

Дневникъ петербургскаго театра.

Ново! Ново! Уголокъ Малмыжа въ С.-Петербургѣ!.. Этими словами антреприза г-жи Гондатти должна была бы начать свою афишу. Мы бы такъ и заглажи и предъявили бы къ ней соответственныя требованія. А кто изъ насъ, вообще, не интересуется, какъ играютъ «Дикарку» въ Малмыжѣ, тотъ бы и вовсе не пошелъ въ Русскій Драматическій театръ на спектакль, 4-го марта. Но антреприза этого не сдѣлала, а, напротивъ, вывѣсила афиши, на которыхъ крупными буквами значилось: «гастроли Надежды Михайловны Гондатти». Были объявлены: «Дикарка», «Бой бабочекъ», «Нора», «Заза» и другія пьесы, по образцу репертуара незабвенной В. О. Коммиссаржевской. Объявлено было также и маршрутъ: городовъ, которымъ этотъ «уголокъ Малмыжа» будетъ показанъ и, въ первую голову, послѣ Петербурга, гастролями будетъ охвачена Москва.

Передъ спектаклемъ новоявленная гастролерша Надежда Михайловна Гондатти, въ бесѣдѣ съ интервьюерами заявила, что во-первыхъ у насъ въ Петербургѣ очень холодно, во-вторыхъ, она имѣла крупный успѣхъ въ провинціи (не поздравится провинція отъ этихъ похвалъ!) и въ-третьихъ, «смѣлымъ Богъ владѣетъ» и поэтому она рѣшила ѣхать на гастроли въ Петербургъ. Говорятъ еще и «смѣлости города беретъ», но г-жа Гондатти свою «Дикарку» Петербурга не взяла!! Смѣлымъ быть прекрасно, безумнымъ опасно, а ѣхать съ такимъ незначительнымъ именемъ, какое у г-жи Гондатти, гастролить въ Петербургѣ, положительное безуміе.

«Постановки» пьесы, конечно, не было, декораций набраны изъ антрепризы г. Рейнеке съ борю по сосенкѣ. Тутъ и березы изъ «Сибгурочки» и финляндскія скалы изъ «Змѣйки». Все это заставляло петербуржцевъ только пожимать плечами и удивляться смѣлости Надежды Михайловны Гондатти.

Образъ Дикарки она не дала. Впрочемъ, въ зрительномъ залѣ нѣкоторые «иже отъ Гондатти» пытались доказать, что она даетъ этой роли не то толкованіе, которое давали ей Савина и Коммиссаржевская, и они были правы. Образъ Дикарки новый. Какаля-то разнузданная натура, со смакомъ бросающаяся на шею каждому встрѣчному и поперечному! Именно, со смакомъ, именно съ чувственностью и не дѣвушки, а женщины, повидавшей виды, на своемъ вѣку. Дикарка moderne... Очаровательной наивности Дикарки Островскаго, ея красивой простоты и въ поминѣ не было. Всю роль «гастролерша» приправляла

безъ всякой мѣры невѣроятнo фальшивымъ смѣхомъ, который уже въ первомъ дѣйствіи насъ утомилъ и на протяженіи всего спектакля непріятно дѣйствовалъ на нервы. Всѣ прекрасныя сцены въ исполненіи Н. М. Гондатти совершенно пропали.

Ашметьева, этого плѣнительнаго эстета-барина, игралъ г. Любошъ и совсѣмъ не понялъ роли. Въ его исполненіи Ашметьевъ являлся какимъ-то разслабленнымъ мышинымъ жеребчикомъ. Роли Вершинскаго (г. Райдъ), Зубарева (г. Федосовъ) и Боева (г. Антонъ) тоже пропали. Среди этой компаніи слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, г-жу Алейникову, сыгравшую жену Ашметьева очень ярко и г-жу Кондрову (мать Ашметьева) и г. Литвинова (Мальковъ), игравшихъ сносно.

Такъ начала въ Петербургѣ свои гастроли г-жа Гондатти, забывшая, что хотя Богъ и владѣетъ смѣлымъ, но другая поговорка говоритъ «на Бога надѣйся, а самъ не плѣшай»!..

Собираясь на спектакль, я предполагалъ послѣ «Дикарки» посмотреть гастролершу и въ пьесѣ иностраннаго репертуара, хотя бы въ «Норѣ», но теперь прошу у васъ прощенья, — право, — хорошенькаго по-немножку...

В. Яшинъ.